

На правах рукописи

ХАРАЕВА Анна Тимуровна

**РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА
В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ПИСЕМ КАЛМЫЦКИХ ХАНОВ
XVIII ВЕКА И ИХ СОВРЕМЕННОКОВ)**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

005532986

12 СЕН 2013

Элиста – 2013

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Калмыцкий государственный университет»

Научный руководитель: Есенова Тамара Саранговна,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: Монраев Михаил Убушаевич,
доктор филологических наук,
ФГБОУ ВПО «Калмыцкий
государственный университет»,
профессор кафедры калмыцкого языка
и монголистики

Омакаева Эллара Уляевна,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБУН Калмыцкий институт
гуманитарных исследований РАН,
заведующая лабораторией лингвистических и
прикладных исследований

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Защита состоится «26» сентября 2013 г. в 16.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.305.01 при Калмыцком государственном
университете по адресу: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина,
11, корп. 1 а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО
«Калмыцкий государственный университет» (358011, Республика Калмыкия,
г. Элиста, 5 микрорайон, студгородок).

Текст автореферата размещен на официальном сайте Калмыцкого
государственного университета по адресу: <http://www.kalmsu.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Бадмаев Б.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

С момента добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства калмыцкий язык заметно обогатился заимствованиями из русского языка. Благодаря русскому языку в калмыцкий язык попали многие слова из европейских языков. Заимствование русских слов в калмыцкий язык является одним из способов номинации новых понятий.

В современной лингвистической науке проблеме заимствований русских слов калмыцким языком уделяется недостаточное внимание: имеется лишь одно диссертационное исследование, посвященное фонетико-морфологической и лексико-семантической адаптации русских заимствований в современном калмыцком языке [Шурунгова 2004]. Между тем необходимость освещения истории русских заимствований, которые обусловлены изолированным развитием калмыцкого языка (от других родственные монгольские языки) за последние четыреста лет, очевидна. Настоящее диссертационное исследование посвящено русским словам, заимствованным в калмыцкий язык XVIII века, в один из важных периодов его развития.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, неизученностью русских заимствованных слов в калмыцком языке XVIII века. Во-вторых, чрезвычайной важностью их изучения с опорой на документы – письма калмыцких ханов и их современников как уникальный материал, сохранивший обширные сведения о лексике, фонетической системе и грамматическом строе официально-делового стиля калмыцкого литературного языка XVIII века.

Новизна работы состоит в том, что в ней впервые на материале исторических документов изучаются русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века. Впервые определены тематические группы заимствованных слов, характер и степень их фонетической и грамматической адаптации, а также раскрыты основные причины, способствовавшие их появлению в калмыцком языке, и влияние русского языка на официально-деловой стиль калмыцкого языка.

Объектом диссертационного исследования являются русские заимствованные слова, которые вошли в лексику официально-делового стиля калмыцкого языка XVIII века и не имели аналогов в калмыцком языке.

Предметом исследования являются семантика русских заимствованных слов и их фонетико-морфологическая адаптация в калмыцком языке XVIII века. В настоящей работе заимствованными русскими словами, или русизмами, условно названы все слова, вошедшие в официально-деловой стиль калмыцкого языка XVIII века через посредничество русского. Термины «русские заимствованные слова» и «русизмы», принятые в данной работе в качестве синонимов, обозначают как исконно русские слова, так и иностранные,

которые были заимствованы в русский из других языков и которые прошли фонетическую, лексико-семантическую и грамматическую адаптацию.

Цель настоящей работы – на основе современных лингвистических теорий исследовать русские слова, заимствованные в официально-деловой стиль калмыцкого языка XVIII века, в лексико-семантическом, фонетическом и морфологическом аспектах.

Достижение поставленной цели обусловило постановку следующих исследовательских задач:

- выявить основные причины появления русских слов в официально-деловом стиле калмыцкого языка XVIII века;

- определить влияние русского языка XVIII века на лексику калмыцкого языка;

- изучить тематические классы заимствованных русских слов, зафиксированных в официально-деловом стиле калмыцкого языка XVIII века;

- исследовать фонетическую, лексико-семантическую и морфологическую адаптацию русских слов в официально-деловом стиле калмыцкого языка XVIII века.

Материалом для диссертационного исследования послужили официально-деловые письма калмыцких ханов XVIII века и их современников, опубликованные в монографиях:

1) «Письма хана Аюки и его современников (1714-1724 гг.)» [Сусеева 2003], «Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713-1771 гг.)» [Сусеева 2009], «Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.)» [Гедеева 2004] и «Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.)» [Кокшаева 2011];

2) 107 писем данного периода, которые были выявлены нами из архивных источников.

В целом банк языкового материала содержит около 500 деловых писем калмыцких владельцев XVIII века, включающих около 700 словоформ 317 лексем.

Цель и поставленные задачи обусловили использование следующих методов исследования:

- метод сплошной выборки, позволивший произвести отбор заимствованной русской лексики;

- дистрибутивный метод, раскрывающий семантику заимствованных слов на основе соответствующих контекстов;

- количественный метод, введенный для обработки собранного материала (заимствованных слов и их дублетов);

- метод системно-структурного анализа, позволивший установить своеобразие адаптации заимствованных русских слов на фонологическом, морфологическом и лексико-семантическом уровнях калмыцкого языка;

– историко-сравнительный метод, примененный для характеристики отдельных русских заимствований XVIII века.

Теоретической базой настоящего исследования являются научные труды таких отечественных ученых в области заимствования, как В.В. Виноградов (1982, 1999), Л.В. Щерба (1974), Н.Ю. Шведова (1988), В.Г. Демьянов (2001), Л.П. Крысин (1968, 2005, 2012), Д.А. Павлов (1981, 2000), Г.Ц. Пюрбеев (1981, 1984, 2009), Э.Ч. Бардаев (1983), В.И. Рассадин (1984), Т.С. Есенова (1996, 2009), Д.А. Сусеева (2001), Л.Б. Олядыкова (2002, 2003), Г.А. Дырхеева и О.С. Ринчинов (2005), П.Ц. Биткеев (2009), Б.А. Шурунгова (2004), Д.Ш. Харанутова (2010, 2012), М.У. Монраев (2012) и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что получены совершенно новые знания о русских заимствованиях в калмыцком языке. Введение в научный обиход нового материала – деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников – меняет представление о путях заимствования русских слов разных эпох. Материал, положенный в основу исследования, объективно свидетельствует о том, что русские слова проникали в калмыцкий язык и письменным путем. Анализ обширного письменного материала позволяет считать, что особенности адаптации русизмов на лексико-семантическом уровне объясняются экстралингвистическими и внутриязыковыми факторами, а на фонологическом и грамматическом уровнях – внутриязыковыми.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов «Лексика современного калмыцкого языка», «История калмыцкого языка», «Общее языкознание», «Введение в языкознание», спецкурсов «Взаимодействие и взаимовлияние языков», «Когнитивная лингвистика».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Русские заимствованные слова в официально-деловом стиле калмыцкого языка XVIII века обозначают новые понятия, вызванные к жизни реформами Петра I и потребностями постоянного общения калмыцких ханов и их современников с представителями всех уровней и ветвей власти Российского государства.

2. Основными причинами закрепления русизмов в калмыцком языке являются: развитие официально-делового стиля калмыцкого языка XVIII века в условиях формирования Калмыцкого ханства в составе Российского государства, становление делопроизводства в Калмыцком ханстве как составной части российского делопроизводства, рост штата русско-калмыцких переводчиков.

3. Заимствования из русского языка, не имевшие аналогов в калмыцком языке, в основном относятся к одной из следующих тематических групп: учреждения и организации, должности, воинские звания, сословные звания,

бытовые термины, собственные имена, названия рек, стран, этносов, населенных пунктов. Посредством заимствования русских слов в калмыцком языке заполнялись лакуны: обозначались новые общественно-политические, исторические, географические, культурные реалии эпохи, что свидетельствует об определенной устойчивости лексической системы калмыцкого языка, не допускающей заимствований лексики основного фонда.

4. Фонетические изменения русских слов происходили под влиянием законов, действовавших в калмыцком языке XVIII века (сингармонизм, усечение звуков, вставка звуков и др.).

5. Русские имена существительные иллюстрируют определенную морфологическую адаптацию в системе принимающего языка: они используются в формах всех падежей. При этом алломорфы падежных форм, их слитные/раздельные написания с соответствующими основами указывают на начальный период полного освоения русизмов в калмыцком языке.

6. Официально-деловые письма калмыцких владельцев XVIII века свидетельствуют о том, что заимствование слов из русского языка осуществлялось не только устным, как утверждалось раньше в калмыцком языкознании, но и письменным путем.

Апробация работы. Основные результаты и содержание исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета. Результаты и выводы исследования были представлены на научных и научно-практических конференциях различного уровня: международная научная конференция «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее» (Элиста, 2009); международная научная конференция «Взаимодействие культур народов Прикаспия» (Элиста, 2011); международная научная конференция «Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие» (Элиста, 2011); региональная научно-практическая конференция «Становление духовно-нравственной личности человека на традициях православной культуры» (Элиста, 2012); «Гуманитарные науки и современность. VI Международная научная конференция» (Москва, 2012).

Получен акт о внедрении результатов диссертационного исследования и их апробации за № 12/06-42 от 28.06.2012 г.

Основные положения диссертации и выводы отражены в 7 публикациях, 3 из которых опубликованы в журналах, включенных в перечень ВАК.

Структуру работы определили поставленная цель и задачи исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, источников и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность темы, определен объект и предмет исследования, представлены его цель и задачи, дана характеристика анализируемого материала и методов, теоретической базы исследования, раскрыта его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, изложены положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

Первая глава «Теоретические предпосылки исследования» состоит из трех разделов. В разделе 1.1. «Займствование как объект лингвистического исследования» освещаются проблемы лексического заимствования, анализируются основные подходы к пониманию заимствования. Интерес к проблеме заимствования сформировался в лингвистике в русле социолингвистических [И.А. Бодуэн де Куртенз, Л.В. Щерба и др.] и психолингвистических [Г. Пауль, Г. Шухардт, Л. Блумфилд и др.] направлений. Ученые признают в качестве важнейшего внешнего фактора исторического развития языка языковые контакты. В связи с этим заимствование рассматривается как одно из последствий этого явления.

В последние десятилетия отмечается разностороннее изучение проблемы заимствования. Уделяется большое внимание степени усвоения заимствованных слов (от частично заимствованных до заимствованных полностью). Исследуются проблемы их морфонологической, морфологической и словообразовательной адаптации [Демьянов 1990, 2001]. Заимствованные словарассматриваются в рамках общей лингвистической теории заимствования, в контексте современной общественной жизни и как знаки иной культуры [Крысин 1994, 2007].

Русские заимствования в монгольских языках привлекли внимание Т.А. Бертагаева [1974], У.-Ж.Ш. Дондукова [1974] в связи с изучением влияния русского языка на развитие и обогащение лексической системы литературных монгольских языков. Г.Ц. Пюрбеев [1981, 1984] обратил внимание на русские заимствования в связи с изучением словосочетаний и терминологии монгольских языков. В монгольском языкознании вопрос о заимствованиях возникал при составлении разных типов словарей. Русская заимствованная лексика отражена во всех современных словарях монгольских языков, например: «Хальмг-орс толь» [1977], «Большой академический монгольско-русский словарь» [2001, 2002], «Бурятско-русский словарь» [2006, 2008] и др. Многие слова, вошедшие в словарный фонд монгольских языков из русского языка, полностью адаптированы фонетически, словообразовательно и грамматически: 1) калм. *сеглатр* «секретарь» → *сеглатрэт* «секретариат»; → *сеглатрин* «секретарский» [Хальмг-орс толь 1977]; 2) монг. *адрес* → *адреслах* «адресовать» → *адреслуулах* побуд. ф. [Монгол-орос толь 1957]; 3) бурят.

машина → *машинадаха* «работать на какой-нибудь машине» → *машинажаһан* «машинизированный» [Харанутова 2012].

Проблемы заимствования русских слов в современные монгольские языки, их фонетической, морфологической и лексической адаптации затрагиваются в работах И.К. Илишкина [1972], Ц.Д. Номинханова [1975], Д.А. Павлова [1981], Э.Ч. Бардаева [1985], В.Э. Очир-Гаряева [1987], Б.Б. Манджиковой [1989], Т.С. Есеновой [1996, 2009], Л.Б. Олядыковой [2002, 2003], Б.А. Шурунговой [2004], П.Ц. Биткеева [2009], М.У. Монраева [2012] и др. Ценные сведения о заимствовании русских корневых и аффиксальных морфем и их адаптации в современном бурятском языке представлены в работах Д.Ш. Харанутовой [2012], Г.А. Дырхеевой и О.С. Ринчинова [2005].

Анализ лингвистической литературы показывает, что на современном этапе наука различает процесс заимствования и его результаты, которые проявляются в виде заимствованных языковых единиц. Объем заимствования в работах исследователей включает единицы всех уровней языковой системы: фонемы, морфемы, слова, синтаксические конструкции. Одной из основных единиц заимствования всеми учеными признается слово, которое в языке-приемнике подвергается фонетической, семантической и грамматической ассимиляции.

В разделе 1.2. «*Теоретические основы исследования заимствований, принятые в настоящей работе*» рассматриваются теоретические аспекты изучения заимствованных слов в калмыцком языке XVIII века. Анализ русской заимствованной лексики XVIII века предполагает решение ряда вопросов: а) уточнение термина «русское заимствованное слово», б) установление причины заимствования, в) выявление источника заимствования, г) определение условия заимствования, д) установление фонетико-морфологических особенностей освоения заимствованной лексики.

Термин «русское заимствованное слово» в нашей работе используется в двух значениях: 1) обозначает исконно русское слово, вошедшие в лексику калмыцкого языка XVIII века, и 2) обозначает иноязычное слово, вошедшее в калмыцкий язык XVIII века через русский язык, пройдя фонетическую, лексико-семантическую и грамматическую адаптацию. В диссертации учитывается различие между лексическим заимствованием и «переводным заимствованием» (калькой).

Как и в других языках, в калмыцком языке можно выделить две причины заимствования: а) внешнюю и б) внутреннюю (собственно языковую). В XVIII веке к внешней причине заимствования относятся вхождение Калмыцкого ханства в состав Российского государства, формирование делопроизводства и делового стиля калмыцкого языка и наличие штата переводчиков. К внутренней причине относится потребность калмыков в номинации новых реалий, с которыми приходилось им сталкиваться в повседневной жизни.

Процесс заимствования из русского языка в калмыцкий язык начинается с первых контактов народов и продолжается в настоящее время. Хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НАРК) официальные документы XVIII века, написанные на старописьменном калмыцком языке (*тодо бичиг*), дают представление о фонологической системе, лексическом составе и грамматическом строе калмыцкого языка XVIII века. Кроме того, эти документы позволяют проследить изменения в общественном сознании, образе и способе мышления конкретных исторических личностей Калмыцкого ханства (ханов, нойонов, зайсангов, служителей церкви и т.д.).

В XVII-XVIII вв. русский язык начинает оказывать большое влияние на калмыцкий язык, в частности, появляются заимствования, что обусловлено вхождением Калмыцкого ханства в состав Российского государства. Следует отметить, что некоторые заимствования из русского языка, зафиксированные в документах XVIII века, перешли в разряд историзмов (например, дараһун «драгун», хараб «граф»). Другие сохранились до настоящего времени, пройдя фонетико-грамматическую адаптацию (жалв «жалование», хород «город», салдас «солдаты»), третьи вернулись в обиход в последние десятилетия (господин, сенат и др.).

В разделе 1.3. *«Исторические условия, способствовавшие появлению русских заимствований в официально-деловом стиле калмыцкого языка XVIII века»*, состоящем из трех подразделов, освещаются причины заимствования русских слов в калмыцкий язык XVIII века. Их проникновению способствовал ряд важных экстралингвистических факторов: 1) государственные реформы Петра Великого и формирование делопроизводства в Калмыцком ханстве, 2) становление делового стиля калмыцкого языка и 3) существование штата переводчиков при органе «Калмыцкие дела».

В подразделе 1.3.1. *«Делопроизводство в Калмыцком ханстве XVIII века»* рассматривается роль делопроизводства в развитии официально-делового стиля калмыцкого литературного языка XVIII века.

В начале XVIII века в России, в период Петровских реформ, при Коллегии иностранных дел было создано специальное ведомство «Калмыцкие дела», которое просуществовало с 1715 г. по 1771 г. Это ведомство возглавляли в разные годы стольник Д. Бахметьев (1715-1722 гг.), полковник В.П. Беклемишев (декабрь 1722 г. - март 1737 г.), полковник П.Ф. Кольцов (март 1737 г. - сентябрь 1739 г.), полковник Л.В. Боборыкин (сентябрь 1739 г. - июль 1743 г.), генерал-майор Н.Г. Спицын (июль 1743 г. - июль 1761 г.), полковник И.А. Кишенский (с 1764 г. вплоть до откочевки калмыков в 1771 г.). Ведомство «Калмыцкие дела» представляло собой государственное учреждение с собственной канцелярией, секретарем, писарем, копиистом, штатом переводчиков и толмачей, штатом улусных приставов и воинской командой. Подчиненность «Калмыцких дел» внешнеполитическому ведомству Российского государства указывает на их

специфическую ориентированность и ограниченность вмешательства во внутренние дела ханства.

В ведомстве «Калмыцкие дела» была налажена организованная система делопроизводства. В настоящее время в фондах НАРК хранятся 423 дела этого ведомства. Каждое дело включает в себя определенное количество документов (от 200 до 1500 единиц и более), основополагающими документами являются общегосударственные правовые акты.

К сожалению, специальных сведений о постановке делопроизводства в самом Калмыцком ханстве нет, так как нет ханских архивов. Однако об уровне и состоянии делопроизводства в Калмыцком ханстве можно судить по сохранившимся оригинальным письмам (по предварительным подсчетам около 7 тысяч) калмыцких ханов и их современников. Кроме того, в известной работе В.М. Бакунина «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев» [Бакунин 1995] затрагивается вопрос о делопроизводстве в ставке калмыцкого хана.

Анализ материалов позволяет заключить, что делопроизводство в Калмыцком ханстве XVIII века соответствовало требованиям своего времени, сохранившиеся документы в совокупности являются уникальным памятником официально-делового стиля калмыцкого литературного языка XVIII века.

В подразделе 1.3.2. «Официально-деловой стиль калмыцкого языка XVIII века» развитие и функционирование официально-делового стиля калмыцкого языка рассматривается в связи с социально-политическими событиями Петровской эпохи. Материалы исследования позволяют считать, что для официально-делового стиля калмыцкого языка XVIII века были присущи разные жанры деловых документов, а основным был «bičiq» (письмо). Деловые письма калмыцких ханов и их современников интересны по содержанию. В них рассматриваются важные вопросы экономического, политического и военного характера, которые касались жизни калмыцкого общества конкретного времени. Письма свидетельствуют о том, что калмыки активно привлекались царским правительством к охране рубежей Российского государства. В ряде писем калмыцкие владельцы поднимают вопросы совершенствования судебного делопроизводства (например, предложение хана Аюки о создании и проведении русско-калмыцких и русско-татарских судов). В отдельных письмах обсуждаются вопросы строительства крепостных сооружений на Волге и Дону, например просьба владельца Замьяна об отведении ему земельного участка для постоянного поселения на нагорной стороне Волги (ныне п. Замьяны, вблизи г. Астрахани). Имеются письма, которые касаются осенних и весенних перекочевков калмыков, торговли скотом в приволжских городах, отношений с соседними народами и т.п.

Другим важным жанром данного стиля был *andʏar* «клятва», для которого характерны такие параметры, как «кто», «кому», «в связи с чем приносит

клятву». *Andyar*, будучи старинным жанром, разные типы которого хорошо известны по эпосу «Джангар», послужил основой для возникновения нового для XVIII века документного жанра на калмыцком языке – *andyariyin bičiq* «присяга ханов», которая давалась калмыцкими ханами при их возведении на престол. Первым таким документом в истории калмыцкого народа была «присяга о наместничестве» Черен-Дондука, которая была составлена на калмыцком языке под руководством астраханского губернатора А.П. Вольнского. Эта присяга, по которой калмыцкие владельцы между собой имели «неоднократные и многолюдные съезды и советы», была практически первой, нового типа присягой калмыцких владельцев [Бакунин 1995]. В присягах уже отмечаются русские заимствования: *im peratrica* (императрица), *imperator* (император), *Aa na ni oaa nobna* (Анна Иоановна) и др.

Заимствования из русского языка употребляются в документах разного жанра (*bičiq tamyā, xaalyayin bičiq* «паспорт, подорожное письмо», *zarlig* «указ», *приговоръ-bičiq, šiidver* «решение» и др.) официально-делового стиля калмыцкого языка XVIII века. Заимствованные слова соотносятся с новыми смыслами, которые свидетельствуют о государственных, военных, социальных и экономических изменениях, которые имели место в Российском государстве и Калмыцком ханстве того времени.

Калмыцко-русская переписка велась на калмыцком языке: калмыцкие владельцы и русские чиновники (бояре, воеводы, губернаторы, коменданты и т.д.) писали друг другу на калмыцком языке. В «Калмыцких делах» сохранились не только письма калмыцких ханов и их современников, но и ряд писем губернаторов, генералов, комендантов, бригадиров, написанных на калмыцком языке. Эти письма представлены либо в чистовом, либо в черновом вариантах, по которым можно судить, как переводчики работали над языком ответов в адрес калмыцких владельцев.

Официально-деловой стиль калмыцкого языка, использовавшийся в системе управления Калмыцкого ханства XVIII века, характеризуется особыми лексическими, фразеологическими, морфологическими и синтаксическими свойствами, которые позволяли адресантам и адресатам выражать самые сложные смыслы, касающиеся дипломатии, политики, экономики, социальных отношений и культуры калмыцкого общества того времени.

В подразделе 1.3.3. «Бакунин В.М. и другие переводчики калмыцких документов XVIII века» впервые освещается вопрос о калмыцко-русских переводчиках XVIII века и их роли в обеспечении взаимопонимания и сближения русского и калмыцкого народов. Десятки русских людей в разное время служили переводчиками в Астрахани, Царицыне, Саратове, Казани, Самаре, Москве, Санкт-Петербурге и других городах Российского государства. Имена многих из них сохранились в русских переводах XVIII века, например: Алексея Лоскутова, Ивана Григорьева, Ивана Клементьева, Василия и

Ивана Бакуниных, Михаила Григорьева, Михаила Москотиньева, Ивана Пропойцева, Алексея Сумина, Андрея Иванова, Андрея Чубовского, Гавриила Калышника, Якова Самсонова, Кирилла и Спиридона Везелевых, Парамона Девятьяровского, Андрея Воронина, Тимофея Щетинина и др.

Одним из первых, кто оценил профессию русско-калмыцкого переводчика, был известный общественный деятель В.Н. Татищев, бывший в 1841-1844 гг. астраханским губернатором. Он считал, что для современной ему дворянской молодежи надо знать не только европейские языки, но и один из числа трех «нужнейших» для Российского государства XVIII века языков: татарского, сарматского и калмыцкого [Татищев 1986].

Самой заметной фигурой среди русско-калмыцких переводчиков XVIII века является Василий Михайлович Бакунин, служба которого началась в 1720 году, когда он был переведен из Царицына в Астрахань в качестве переводчика калмыцкого языка астраханским губернатором А.П. Волынским. В.М. Бакунин прекрасно владел старописьменным (тодо бичиг) языком. В 1720-1730 гг. он работал в учреждении «Калмыцкие дела» [Батмаев 1995]. В.М. Бакунин лично знал всех калмыцких ханов XVIII века: Аюку, Черен-Дондука, Дондук Омбо и Дондук Даши. Он принимал участие во многих важных событиях Калмыцкого ханства, например в проведении церемониала возведения на ханский престол Черен-Дондука и Дондук Омбо. В НАРК сохранились его «своеручные» (термин В.М. Бакунина) переводы деловых писем калмыцких ханов Аюки и Черен-Дондука, старшего сына хана Аюки – Чагдоржала, ханши Дармы Балы – жены хана Аюки, дербетовского владельца Четер-тайши, высшего духовного лица Калмыцкого ханства Шакур-ламы, нойона Доржи Назарова и др. Переводы имеют большую научную ценность: наряду с оригиналами калмыцких писем они хранят в себе информацию об исторических личностях, о датах, фактах, событиях, касающихся повседневной жизни Калмыцкого ханства, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья.

Вторая глава «Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века» состоит из двух разделов. В разделе 2.1. «Тематические классы заимствованной лексики» рассматриваются принципы анализа и классификации русских заимствованных слов. Для формирования банка заимствованной лексики нами из собранного материала сплошным методом были выделены словоформы (около 700 единиц) в том виде, в котором они употреблены в конкретном контексте. С целью изучения лексико-семантических особенностей русских заимствований собранный нами лексический материал был расклассифицирован. При классификации русских заимствованных слов мы придерживались концепции Н.Ю. Шведовой, согласно которой, во-первых, лексика разбивается на семантические поля, которые «представляют собою совокупности, охватывающие лексические единицы, принадлежащие к разным частям речи»; во-вторых, в пределах одной части речи слова разбиваются

содержательно – на тематические классы; в-третьих, слова разбиваются на лексико-грамматические группы, объединяющие лексемы с общими языковыми характеристиками – словообразовательными, морфологическими, сочетаемостными» [Шведова 1981].

В соответствии с классификацией Н.Ю. Шведовой, русские заимствованные слова были разбиты на группы по их частеречной принадлежности. Подсчеты показали, что среди русизмов большую часть составляют существительные (около 300 единиц), прилагательных оказалось около десяти, другие части речи не представлены.

В дальнейшем собранный материал был расклассифицирован по тематическим классам. Было выделено 11 тематических классов существительных: 1) учреждения и организации Российского государства и относящиеся к ним понятия: *guberni* «губерния», *senaad* «сенат», *kaliya* «коллегия», *kincalar* «канцелярия», *kantuur* «контора», *kabinet* «кабинет», *ukaas* «указ», *yaraamata* «грамота» и др.; 2) должности людей, работающих в системе государственной службы: *prakuror* «прокурор», *gubarnad* «губернатор», *miniister* «министр», *tayinoi sobedniq* «тайный советник» и др.; 3) воинские звания: *peldmarsal* «фельдмаршал», *gineal* «генерал», *darayuun* «драгун», *saldat* «солдат», *kibataan* «капитан», *mayuur* «майор», *apiciir* «офицер» и др.; 4) сословные звания: *yarab* «граф», *kinaas* «князь», *bayar* «боярин», *γospodin* «господин» и др.; 5) бытовые термины: *panar* «фонарь», *jaaram* «ярмарка», *saani* «сани», *bud* «пуд», *bedere* «ведро», *boodki* «водка» и др.; 6) собственные имена, отчества, фамилии: *Andara* «Андрей», *Jabaan* «Иван», *Basali* «Василий», *Mikiülüi* «Николай», *Istaban* «Степан», *Oromon* «Роман», *Artim Bolonski* «Артемий Волинский» и др.; 7) названия рек: *Xuma* «Кума», *Šarba* «Сарпа», *Sala/Sal* «Сал» и др.; 8) названия стран: *Kitad* «Китай», *Türüq* «Турция», *Borus* «Пруссия», *Xabarda* «Кабарда», *Xaram* «Крымское ханство», *Zun γar* «Джунгарское ханство», *Töböd* «Тибет» и др.; 9) названия народов, народностей: *oros/orus* «русский», *nemeš* «немец», *šibed* «швед», *xazaq* «казаки», *šuyāš* «чуваши», *ermeli* «армянин» и др.; 10) названия городов, населенных пунктов, местностей: *Suli kaamsq* «Соликамск», *Šara tou* «Саратов», *Xazan* «Казань», *Ayidarxan* «Астрахань», *Mösküü/Meskiü* «Москва», *Peter* «Санкт-Петербург», *Voroneš* «Воронеж», *Ura* «Уфа», *Tobol* «Тобольск»; *Xara γazar* «Черные земли» и др.; 11) названия мест военных событий, в которых участвовали калмыцкие войска: *Poltau* «Полтава», *Azou* «Азов», *Xaram* «Крымское ханство», *Xobon* «Кубань», *Xuma* «Кума» и др.

Каждое заимствованное слово было проанализировано в соответствии с разработанным нами алгоритмом: 1. Заголовок. 2. Текст. 2.1. Этимология заимствованного русского слова. 2.2. Русское заимствованное слово, адаптированное в калмыцком языке. 2.3. Иллюстративный материал (деловое

письмо или фрагмент письма на калмыцком языке и соответствующий ему русский перевод либо XVIII века, либо современный). Пример:

1. Заголовок: Рус. почта → калм. *poši/ bošto* «почта; почтовый».

2. Текст:

2.1. Этимология слова *почта*.

Займствовано в XVII в. из польского языка, в котором *poczta* восходит к итальянскому слову *posta* < ср.-лат. *posita* – «остановка, станция, где меняли лошадей» [Шанский, Боброва 1971: 359].

2.2. Русское слово *почта*, адаптированное в калмыцком языке как *пошт/ бошто*.

2.3. Иллюстративный материал: *Deere im praatiriyiceyin gegeedu elciy mini boštoyin ulaaуаар ötör yabuuluyita = plilib talmaštai nige nõkõdtõi yurбула [НАРК, Ф. 36, Оп. 1, Д. 37, Л.470 об.]. К ее императорскому величеству моего посланника с письмом прикажите отправить на почтовых подводах с толмачом Филиппом одного помощника в сопровождении трех.*

В разделе 2.2. «Семантические изменения в калмыцких словах под влиянием русского языка» рассмотрены случаи калькирования и расширения семантики калмыцких слов под влиянием русского языка.

В XVIII веке появляются новые производные слова, представляющие собой кальки, например: *zakiraqçi* «повелитель, распорядитель» (от глагольной основы *zakira-* «подчинять, командовать» + аффикс *-qçi*), *ogõci* «наместник» (от *ogon* «место» + аффикс *-çi*), *küseqçi* «снискатель» (от глагольной основы *küse-* «желать, хотеть» + аффикс *-qçi*) и др., которые образованы по моделям русских слов с помощью калмыцких морфем.

Словарное обогащение калмыцкого языка в рассматриваемый период происходило и за счет изменения лексического значения некоторых национальных слов. Так, лексическое значение слова *kerüm* «пароход» расширилось, оно стало использоваться и для обозначения особого типа речного судна – *завозень*; слово *zarliq* стало включать в себя значение таких русских слов, как *приказ, закон, указ*; слово *to/too* «число; счет» стало употребляться в значении *список, реестр*.

Новые значения у калмыцких слов появляются при их сочетании с русскими заимствованными словами для обозначения новых реалий, например: *уеке импрааториуин үйилеци* «управляющий делами великой императрицы», букв. «деятель великой императрицы», где слова *уеке* «большой», *үйилеци* «деятель» (от *үйиле* «дело» + *-ци* «лицо») приобрели новые смыслы. Сочетание *сауаан хап* «русский царь» (букв. «белый царь») получает новое значение – «император», а выражение *уеке ezen* «большой хозяин» – два значения: «император» и «императрица».

Заметные изменения происходили в калмыцком языке XVIII века не только в отдельных словах, но и целых тематических группах слов. Так, зарождающиеся

дружеские отношения между калмыками и русскими стали обозначаться с помощью терминов родства. Среди калмыков распространенным явлением было установление «братства». Первые сведения о «побратимах» между русскими и калмыками зафиксированы в работе В.М. Бакунина: «1710 года сентября 5 дня боярин и губернатор казанский и астраханский Петр Матвеевич Апраксин, едучи из Астрахани в Казань, в пути, не доезжая города Черного Яра, по именному Его Царского Величества указу виделся с ханом Аюкою у речки Даниловки, впадающей из Волги в Ахтубу, и имел с ним разговор, и назвались братьями, в чем между себя и по рукам ударили. При том Аюка-хан обещал служить Его Царскому Величеству верно и с улусами своими от Волги никуда не отходить и тамошние низовые города от неприятелей оборонять; напротиву того и его, Аюка-хана, от неприятелей его российскими войсками и с пушками охранять обещано» [Бакунин 1995].

В исследованных нами письмах встречаются разные формы «родственных отношений», которые свидетельствуют о том, что термины родства стали употребляться для обозначения установившихся близких дружественных отношений между калмыками и русскими. Проиллюстрируем сказанное фрагментами из писем.

1. Отношение «отец – сын»: Artem Peterouči ečige mini xoštu mini dorji buunai züzüm büri idee araki bal čayar boodki zayasun idegi ali yeke bolxoor xayirlaqtun = mün öndür buunai [НАРК, Ф.36, Оп.1, Д. 20, Л.55 об.; 30.08.1724 г.]. *Отец мой, Артемий Петрович. На мой кош прибывает Доржи (Назаров). Пожалуйте, как можно больше, всяких фруктов, вина, меду, водки, рыбы. Он подлинно будет сегодня.*

2. Отношение «отец/батюшка – дочь»: jeke ezen impraatiriyiceyin itegeltei tüyleči kündütei balyadar mini xayiraldaq abyaidu küüken teni Šoroyin Pelagiy bičiq barixuyin učig [НАРК, Ф.36, Оп. 1, Д.90, Л. 53 об.]. Перевод XVIII века: «*Великой г[ос]у[да]р[ы]ни императрицы верному управителю дел и почтенному брегадиру моему милостивому батюшке дочь ваиша Пелагея шорова письмо вручает*» [НАРК, Ф.36, Оп. 1, Д.90, Л. 54].

3. Отношение «дядя – племянник»: Don grub praši bi mendu = abyа mini artamai boloniski mendu beyize = uridan ečige mini namayigi döüdeen čering donrub tu daalyaji ögülei [НАРК, Ф.36, Оп.1, Д.22, Л.156, 18 ноября 1724 . *Дондук Даши я здоров. Надеюсь, что мой дядя Артемий Петрович (Вольнский) пребывает в здравии. В прошлом отец мой (Чагдоржап) меня поручил (воспитывать) своему младшему брату Черен Донрубу.*

4. Отношение «старший брат – младший брат»: Dasang ende bi mendu tende = gubarnad аха mini mendu biyize = dörbön zügeese youn zanggi bayinai [НАРК, Ф.36, Оп.1, Д.10, л. 77 об.]. *Я, Дасанг, здесь здоров. Надеюсь, что там губернатор, мой старший брат, пребывает во здравии. Какие есть вести с четырех сторон?*

5. Отношение «старший брат – сестра»: Barjani bičiq = kündütei general tayınoi sobidniq basalı mikitiči du itegeltei axadaan tan du ögbö [НАРК, Ф.36, Оп.1, Д.140, Л.126; 30 ноября 1741 г.]. *Баржани (жена хана Дондук Омбо) вручает письмо тебе, верному старшему брату, уважаемому генерату, тайному советнику Василию Никитичу [Татищеву].*

6. Отношение «мать – сын»: Darma Bala bi ende mendü. Köbüü mini artım peterou uçu mendu bayıza. Nada zolyonoyigi geji ülü bayınuči. Nutuq mini nöügeed xolo bolbo. Yeke kereqten bolxuna, či ireji zolyoyıji. Ekedeen köbüüni ireji zolyodoq bišiıu. Baya kereqtei bolxuna, bičigen ilgeyiči [НАРК, Ф.36, Оп.1, Д.22, Л.156; 18 ноября 1724 г.]. *Я, Дарма Бала, здесь здорова. Там здоров ли мой сын Артемий Петрович (Волинский). Говорил, что приедешь погостить. Но до сих пор тебя нет. Мой нутуг (владение) кочуя, очень удалился. Если есть важное дело, ты приезжай для встречи. Разве сын к матери не может приехать погостить. Если незначительное дело, то пришли письмо.*

Метафорическое использование калмыками терминов родства подготовило почву для формирования у калмыков новых понятий: «братство народов», «семья братских народов», которые относятся к числу главных духовных ценностей многонационального Российского государства.

Изучение языкового материала позволяет заключить, что в рассматриваемый период для обозначения новых реалий и явлений в калмыцкий язык XVIII в. заимствуются русские слова, под влиянием русского языка переосмысливаются некоторые национальные слова, образуются номинативные словосочетания, а также кальки.

Третья глава «Фонетическая и грамматическая адаптация русских слов в калмыцком языке XVIII века» состоит из двух разделов. В разделе 3.1. «Фонетическая адаптация русских слов XVIII века» рассмотрена фонологическая система калмыцкого языка XVIII века с целью анализа фонетических дублетов заимствованных слов, фонетической адаптации русских слов, а также влияния особенностей фонологической структуры калмыцких слов на структуру русских заимствованных слов. В подразделе 3.1.1. «Фонетические дублеты» дается анализ дублетов заимствованных слов. В настоящей работе дублетами называются все русские заимствованные слова, тождественные по значению и функциональному употреблению, но различающиеся по написанию. Например, слово *губернатор* имеет более двадцати дублетов: gubarnad, gubarnad, gubarned, gubernator, gubar naator, goubernaad, guvarnad, gubir nator, gubarnatar, guvarnaatar, yobornood, gubernator, guburnaad, gubarned, gubernatur, guburnatur, gubernatoor, gubernatuur, gubermeeter, kubirnaator, kubernaad. Наличие дублетов свидетельствует о том, что процесс заимствования находился на начальном этапе, единых фонетических закономерностей ассимиляции русизмов в калмыцком языке не существовало.

Описание фонем калмыцкого языка дается в подразделе 3.1.2.

«Фонологическая система калмыцкого языка XVIII века». С помощью метода противопоставления, который используется в фонологии [ЛЭС 1990: 555-557], установлено, что фонологическая система калмыцкого языка XVIII в. включала семь гласных [a, o, u, e, i, ö, ü] и двадцать согласных [b, g, γ, d, j, z, k (мягкая), q (твердая), l, m, n, r, s, t, x, c, č, š, y, ng] фонем. По материалам писем калмыцких ханов установлено, что в калмыцком языке XVIII века долгие гласные звуки еще не представляли собой самостоятельные фонемы, так как они не участвовали в различении смысла слов и морфем, сравнить: Ibaan~Iban «Иван», хап~хаап «хан», köün~küün~küü~külп «человек», onγyooso ~ onγyoso «лодка», пагаап~пагап~паар~паг «сюда», kinaas~kinas и др. Долгие гласные звуки были вариантами нормальных кратких гласных фонем. Гласные фонемы были выделены при сопоставлении следующих пар слов XVIII века, зафиксированных в калмыцких деловых письмах: 1. Фонема <a>: ta «вы» – to «число». 2. Фонема <u>: bu /буu «ружье» – bi «я». 3. Фонема <o>: γol «река» – γal «огонь». 4. Фонема <e>: erekü «просить» – irekü «приходить». 5. Фонема <i>: dari «порох» – daru «затем, после». 6. Фонема <ö>: söl/sööl «ночь» – su/suu «сиди». 7. Фонема <ü>: күn/ köün/küün «человек» – ken «кто». Согласные фонемы: 1. Фонема : bazar – γazar «земля». 2. Фонема <g>: ger «дом» – ber «невестка». 3. Фонема <γ>: γal «огонь» – bal «мед». 4. Фонема <d>: daaxu «ручаться; брать на себя ответственность» – заaxu «указывать». 5. Фонема <j>: jil «год» – šil «стекло». 6. Фонема <z>: bolzoxu «устанавливать срок, уславливаться» – boγoxu «делать, созреть», zun «лето» – dun «голос». 7. Фонема <k мягкая>: kelen «язык» – gelen «служитель церкви». 8. Фонема <q твердая>: zaqaа «закон» – zaхаа «край, окраина». 9. Фонема <l>: elči «посланник» – emči «лекарь». 10. Фонема <m>: mal «скот» – bal «мед». 11. Фонема <n>: nasun «возраст» – yasun «кость». 12. Фонема <ng>: ang «зверь» (ng выделяется по остаточному принципу). 13. Фонема <r>: orxu «войти» – olxu «найти». 14. Фонема <s>: suuxu «сесть» – буuxu «опуститься». 15. Фонема <t>: ödör«день» – ötör «быстро». 16. Фонема <x>: хату «твердый» – batu «твердый». 17. Фонема <c>: саа/са «на той стороне» – паа/па «на этой стороне». 18. Фонема <č>: či «ты» – bi «я». 19. Фонема <š>: šara «желтый» – сага «месяц». 20. Фонема <y>: yasun «кость» – nasun «возраст».

Гласные калмыцкого языка, согласно закону небной гармонии, традиционно распределялись в зависимости от ряда: 1) передний ряд представлен тремя фонемами, для которых при транслитерации используются буквы ö, ü, e (öböke «семья», öbösun «сено»); 2) задний ряд представлен тремя фонемами, для которых при транслитерации используются буквы a, o, u (odxu «пойти», olon «много», abxu «брат»); 3) нейтральный ряд представлен одной фонемой, для которой использовалась при транслитерации буква i.

В XVIII веке гласные o, ö, e могли встречаться в любой позиции: в начале, середине и конце слова.

В подразделе 3.1.3 «Фонетическая адаптация русских слов в калмыцком языке» рассмотрены результаты наблюдений над тем, как на письме отразилась фонетическая адаптация русских слов. Заметную группу составляют заимствованные слова, в которых произошла замена русских согласных звуков на калмыцкие согласные, например: 1) рус. <б> → калм. <р>: рус. бригадир → калм. *paraaadar*; 2) рус. <б> → калм. <v>: рус. губернатор → калм. *gubarnaatar*; 3) рус. <в> → калм. <m/b>: рус. подполковник → калм. *pod polkimniq / pol polkibinoq*; Измайлов → калм. *Izmayilob*; 4) рус. <г> → калм. <γ>: рус. рус. грамота → *γaramata*; рус. бригадир → калм. *berγaadar*; 5) рус. <г> → калм. <γ/q>: рус. губернатор → калм. *γobornood/qubernaad*; 6) рус. <г> → калм. <у>: рус. генерал → калм. *γeneral*; 7) рус. <к> → калм. <q>: рус. советник → калм. *subedniq*; 8) рус. <л> → калм. <n>: рус. генерал → калм. *ginaran* (ассимиляция); 9) рус. <м> → калм. <n>: рус. императрица → калм. *inparatrica* (диссимиляция); 10) рус. <п> → калм. : рус. рус. император → калм. *im birnaator*; 11) рус. <р> → калм. <l>: рус. бригадир → калм. *bolyadar*; 12) рус. <г> → калм. <d>: рус. советник → калм. *sobidniq*; 13) рус. <щ> → калм. <š>: рус. прапорщик → калм. *para paršiq*.

При заимствовании проявляется закономерность, связанная с калмыцким согласным <g-мягкая>, а также с твердым согласным <γ>. Русская фонема <г> в калмыцком языке заменяется твердой фонемой <γ>, если за ней следуют гласные фонемы <a>, <o>, <u>, например: рус. господин → калм. *γosbodin*. Если за фонемой <g> в русском слове следует гласная <э>, то в калмыцком языке при заимствовании такого слова эта фонема сохраняется, например: рус. генерал → калм. *general*.

Определенная закономерность прослеживается и при замене русских гласных фонем калмыцкими фонемами, например: 1) рус. <a> → калм. [aa/ay/ee]: рус. бригадир → калм. *bulyaadar/bulyaydar /bargeeder*; 2) рус. <a> → калм. [aa/oo/ee/e]: рус. губернатор → калм. *gubernaad/gubernod /gubarned /guberneeter*; 3) рус. <a> → калм. [aa/(n)aa]: рус. император → калм. *im paraatur /im barnaatur*; 4) рус. <и> → калм. [a/редукция]: рус. бригадир → калм. *baraγaadr /bulyaadar*; 5) рус. <и> → калм. [iyi/ii]: рус. господин → калм. *γospodiyin / γospodiin*; 6) рус. <o> → калм. [oo/u]: рус. господин → калм. *γospoodiyin / γosbudiyin*; 7) рус. <o> → калм. [i/a]: рус. комендант → калм. *kimandad / kamandaad*; 8) рус. <o> → калм. [a/u/e/oo]: рус. губернатор → калм. *gubarnar / gubernatur /gubernaatoor/guberneeter*; 9) рус. <у> → калм. [ou/o/u]: рус. губернатор → калм. *gubernaad/ γobornood /gubernaad*; 10) рус. <э> → калм. [a/e/i/o/u]: рус. губернатор → калм. *gubarnaad / gubernator / γobornood /gubarnaad/ kubirnaator*; 11) рус. <э> → калм. [a/aa/i]: рус. императрица → калм. *imbaraan terice/imbaar tiriyce/im pira teriyice*. При фонетическом освоении слов из русского языка наблюдается следующая закономерность: гласная

переднего ряда <e> появлялась как в «контексте» гласных заднего ряда, так и в «контексте» гласных переднего ряда (*gubernaatur* «губернатор», *Keteriyine* «Екатерина»), что не характерно для современного калмыцкого языка.

В подразделе 3.1.4. «Влияние особенностей фонологической структуры калмыцких слов на структуру русских заимствований» описаны явления, связанные с изменением фонологической структуры русских слов в калмыцком языке. При заимствовании русское слово не всегда сохраняло свой фонемный состав: слово либо сокращалось за счет усечения каких-то его частей, либо расширялось за счет появления вставных звуков, например: 1) сокращение русского слова за счет усечения его начальной части: рус. генерал → калм. *ineral*; рус. господин → калм. *ospodin*; 2) сокращение русского слова за счет усечения его финальной части, например: рус. боярин → калм. *bayar*; рус. почта → калм. *pošt*; рус. иностранная коллегия → калм. *nastaran qaliya*; рус. Тобольск → калм. *Tobul*; 3) появление протетического звука в начале слова, например: рус. Спиридон → калм. *Isburdon*; рус. Иван → калм. *Yaban*; рус. изюм → калм. *zizüm*; 4) появление протезы в середине слова, например: рус. советник → калм. *sobiyidniq*; рус. господин → калм. *γosbudiyin*; рус. Кикин → калм. *Kiykin*.

Все писари старались на письме обозначить ударные гласные русских заимствованных слов одним из трех способов: 1) удвоением одной гласной буквы, например: рус. господин → калм. *γospodiin*, рус. губернатор → калм. *gubernaator*; рус. канцелярия → калм. *kancilaar*; 2) сочетанием трех букв: гласной буквы, согласной буквы «у» и гласной буквы «i», например: рус. советник → калм. *sobiyidniq*, рус. Астрахань → калм. *Ayidarxan*; 3) очетанием двух разных гласных букв, передающих гласные одного ряда типа «ou», «öü», например: рус. Семён → калм. *Semöün*; рус. полковник → калм. *polqoumniq*.

Анализ позволил установить, что в XVIII в. при заимствовании слов в начале слова не допускается скопление согласных: характерна вставка гласных звуков между сочетаниями согласных, например: рус. бригадир → калм. *beryaadar*, рус. крест → калм. *kiris*, рус. князь → калм. *kinaas*. Кроме того, усечению в финальной части заимствованных слов подвергались в основном флексии и суффиксы, например: рус. тайный советник → калм. *tayini sobedniq*; рус. Пруссия → калм. *Borus*; рус. шведы → калм. *šibed*. Под влиянием сингармонизма происходила унификация гласных в составе заимствованных русских слов по рядности: рус. Андрей → калм. *Andara*; рус. канцелярия → калм. *kancalaar/kinccalar*; рус. попечение → калм. *išpečen*.

Изменения звуков в составе русских заимствованных слов представлены в таблицах, которые отражают замены фонем русского языка фонемами калмыцкого языка и изменения в структуре конкретных слов (табл. № 1).

Табл. № 1. Фонетическая адаптация русизмов
в калмыцком языке (дублиеты слова *бригадир*)

Рус.	№1		№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8
	б		р	н	г	а	д	и	р
Калм.	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	b	o	l	-	γ	a	d	a	r
2.	b	u	l	a	γ	aa	d	a	r
3.	b	u	l	-	γ	ay	d	a	r
4.	b	a	r	-	g	ee	d	e	r
5.	b	a	r	a	g	aa	d	a	r
6.	b	u	l	-	γ	aa	d	a	r
7.	b	-	l	a	g	aa	d	a	r
8.	b	a	r	-	g	aa	d	a	r
9.	b	e	r	-	γ	aa	d	a	r
10.	p	a	r	-	g	aa	d	a	r
Итого	b/p	o/u/a/e	l/r	a	γ/g	a/aa/ay/ee	d	a/e	r

При освоении русского слова *бригадир* устойчивыми оказались согласные, обозначенные соответственно буквами «b», «d», «r» (конечный); звук, обозначенный буквой «b» в 10-м дублете, заменен звуком, обозначенным буквой «p». Звук, обозначенный буквой «g», в калмыцком языке отражается наиболее разнообразно: в половине дублетов сохранился, а в половине случаев был заменен звуком, обозначенным буквой «γ». Звук, обозначенный буквой «r», в пяти случаях сохранился, а в пяти – был заменен звуком, обозначенным буквой «l».

Наиболее пестрая картина характерна для гласных. Неустойчивым оказался первый гласный, обозначенный буквой «i»: в 7 случаях он редуцировался, в 3 – был заменен звуком, обозначенным буквой «a». Это объясняется тем, что появился вставной гласный между начальными двумя согласными, обозначенными буквами «b» и «r». В качестве протез между ними в разных дублетах выступили гласные «o», «u», «a», «e». Кроме того, звук, обозначенный буквой «a» (в пятом дублете), в калмыцком языке был заменен звуками, обозначенными сочетаниями букв «aa», «ay», «ee». Что касается русского звука, обозначенного буквой «и», то в калмыцком языке он представлен звуками, которые обозначены буквами «a», «e».

Можно заключить, что при заимствовании из русского языка слова *бригадир*, наибольшую устойчивость демонстрируют согласные (из пяти три сохранены), а гласные все подверглись изменениям. Аналогичная тенденция наблюдается при заимствовании всех русских слов в калмыцком языке XVIII века.

В разделе 3.2. «Особенности грамматической адаптации русских слов в калмыцком языке XVIII века» рассматриваются вопросы грамматической

адаптации русских заимствованных слов. В подразделе 3.2.1. «Частеречная принадлежность русских заимствованных слов» обращается внимание на то, что в нашем материале заимствованные слова представлены не всеми частями речи. Среди знаменательных слов преобладают имена существительные, наречия и глаголы не отмечены. Наши наблюдения показывают, что, чем чаще употребляется русское слово в деловых письмах калмыцких владельцев XVIII века, тем активнее происходит его грамматическая ассимиляция.

В подразделе 3.2.2. «Заимствованное слово – имя существительное» описываются грамматические признаки русских заимствованных слов. Заимствованные русские слова в калмыцком языке XVIII века функционируют как единицы, характеризующиеся грамматическими категориями калмыцких имен существительных.

Русские заимствованные существительные в связном тексте вступают в синтаксические отношения с другими калмыцкими словами. При этом они употребляются в одной из падежных форм, которая выражает синтаксическое значение заимствованного существительного, его синтаксическую функцию, например: *Xazaɣaasa zanggi irebe* «От казаков пришла весть»; *Darma bala taa = basali bahamučidu mayortu bičiq ōgbō* «Дарма Бала майору Василию Васильевичу письмо вручила».

Связи слов в калмыцком предложении очень разнообразны и касаются пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других значений. В нашем материале русские заимствования встретились только в восьми падежных формах (направительный падеж не зафиксирован).

Русские заимствованные слова практически не употребляются в текстах в форме множественного числа, за исключением слов: 1) *солдат*: ед. ч. *saldat* и мн. ч. *saldu-s/saldou-d*; 2) *баяр* «боярин»: ед. ч. *байар* и мн. ч. *байар-муд* «бояре» и нек. др.

В подразделе 3.2.3. «Заимствованное слово – имя прилагательное» отмечается, что калмыцкий язык XVIII века пополнился ограниченным числом заимствованных прилагательных: *porusiyin/ pursiyin* «пруссский», *nemeš* «немецкий», *sibeeti iski (sinod)* «священный (синод)», *poštōin (ulaa)* «почтовая (телега)» и др.

Русские имена существительные иллюстрируют определенную морфологическую адаптацию в грамматической системе принимающего языка: они используются в формах всех падежей. При этом алломорфы падежных форм, их слитные/раздельные написания с соответствующими основами указывают на начальный период освоения русизмов в калмыцком языке.

В Заключении обобщены результаты и подведены итоги диссертационного исследования, обозначены перспективы дальнейших исследований в данной области.

**Основные положения и результаты диссертационного исследования
отражены в следующих публикациях:**

***Статьи в рецензируемых научных изданиях,
включенных в перечень ВАК РФ***

1. Хараева А.Т. К вопросу о жанре андхар «клятва» по материалам языка эпоса «Джангар» и о жанре андхаарийин бичиг «присяжном письме» в деловом стиле калмыцкого литературного языка XVIII века / А.Т. Хараева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 1. – С.41-45 (0,4 п.л.).

2. Хараева А.Т., Сусеева Д.А. К вопросу о В.М. Бакунине как переводчике писем калмыцких ханов XVIII века и их современников / А.Т. Хараева, Д.А. Сусеева // European Social Science Journal. – Рига-Москва. – 2012. – № 7 (23). – С.122-128 (0,5 п.л.).

3. Хараева А.Т., Есенова Т.С. Термины родства как средство выражения межличностных отношений (на материале переписки калмыцких ханов и их современников с русской администрацией I четверти XVIII века) / А.Т. Хараева, Т.С. Есенова // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 3. (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов

4. Хараева А.Т. Письма крещеных калмыков XVIII века / А.Т. Хараева // Становление духовно-нравственной личности человека на традициях православной культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Элиста. – 2012. – С.97- 100 (0,4 п.л.).

5. Хараева А.Т. Русские переводы писем калмыцких ханов XVIII века и их современников как источник по истории взаимоотношений между народами Прикаспия // Материалы региональной научной конференции «Взаимодействие культур народов Прикаспия, посвященной 100-летию со дня рождения профессора У.Э. Эрдниева. 18 февраля 2011 г. – Элиста. – 2011. – С.154-156 (0,3 п.л.).

6. Хараева А.Т. Национально-культурный компонент концепта «время» в русской лингвокультуре / А.Т. Хараева // Русская речь в инонациональном окружении. – Элиста. – 2011. – Вып. VI. – С. 96- 102 (0,5 п.л.).

7. Хараева А.Т., Сусеева Д.А. К вопросу об официально-деловом стиле калмыцкого языка XVIII в. / А.Т. Хараева, Д.А. Сусеева // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Часть II. – Элиста. – 2009. – С.292-299 (0,7 п.л.).

Подписано в печать 23.08.13. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага тип. № 1. Усл. п. л. 1,39.
Тираж 100 экз. Заказ 2213.

Издательство Калмыцкого университета.
358000 Элиста, ул. Пушкина, 11